

Бай Линъюнь был полностью согласен с кратким и ёмким резюме командующего Шэня. Этот молодой господин Сюй и впрямь оказался невыносимо болтлив: стоило ему открыть рот, как полилась бесконечная, дурно пахнущая тягомотина, словно размотанные портянки старой бабки.

Пока он мысленно упражнялся в острословии, до его ушей донёсся ледяной, пробирающий до костей голос командующего Шэня:

— Бай Линъюнь.

— М?

Услышав своё имя, Бай Линъюнь инстинктивно повернул голову. И тут же едва не ослеп. Вот это внешность, вот это стать — просто сногшибательно!

Командующий Шэнь несколько секунд смотрел на него с бесстрастным лицом, а затем, не говоря больше ни слова, задел его плечом и широкими шагами вышел из отдельного кабинета. Бай Линъюнь дважды моргнул. Это что... просто окликнул перед уходом?

Не успел он поразмыслить над этим, как Мэй Цзюмей прикрыл рот рукой и тихо кашлянул. Бай Линъюнь опомнился и увидел, что его младший соученик Мэй едва заметно хмурится и подаёт ему знаки глазами. Пришлось молча снова опустить голову.

В кабинете воцарилась тишина. Сюй Чжао помрачнел и украдкой одарил Бай Линъюня несколькими презрительными взглядами — ведь именно этот человек с фамилией Бай разрушил всё, что он так тщательно готовил для Мэй Цзюмея.

Глуповатый младший соученик, озираясь по сторонам, набрался храбрости, сделал два робких шажка вперёд и с приторной улыбкой обратился к командующему Цзину:

— Командующий, сегодня вечером мы ставим Белую змею в Гуанхэлоу. Пожалуйста, не забудьте прийти и почтить нас своим вниманием.

Командующий Цзин поднялся, зажал двумя пальцами фуражку с широким козырьком и, вскинув бровь, насмешливо взглянул на Ду Минъюэ:

— Раз уж сам господин Ду даёт представление, грех не прийти. Пользуясь случаем, желаю господину Ду громкого успеха и небывалой славы.

Ду Минъюэ задрожал от волнения, в горле пересохло. Впервые в жизни такой высокопоставленный человек назвал его господином, да ещё и осыпал такими комплиментами.

— Б-благодарю за добрые слова, командующий Цзин, я, я...

— Довольно, на сегодня закончим.

Командующий Цзин прервал запинки Ду Минъюэ и, переведя взгляд, обратился к Сюй Чжао:

— Молодой господин Сюй, не забудьте доставить трёх господ домой в целости и сохранности.

Сюй Чжао опешил, но, заметив полуулыбку на лице командующего Цзина, поспешно ответил:

— Будьте спокойны, командующий, я непременно доставлю их обратно в лучшем виде.

Командующий Цзин кивнул, напоследок выразительно взглянул на Бай Линъюня и зашагал прочь. Бай Линъюнь, не заметивший всех этих переглядываний, стоял, опустив голову, и размышлял: не заработает ли он остеохондроз, если так долго стоять, и есть ли в эту эпоху китайский массаж или физиотерапия, если вдруг заболит шея?

В Бадахутуне, где днём обычно царило затишье, вдруг поднялся переполох. Начинающие актёры, даже под угрозой брани и палок своих учителей, то и дело перешёптывались, обсуждая последние сплетни.

В Ханьцзятань приехал четырёхколёсный автомобиль!

И вышел из него никто иной, как Бай Линъюнь из труппы Шэнфубань!

Теперь Шэнфубань точно прославится!

Когда же мы станем настоящими звёздами?

Слухи о Бай Линъюне, автомобиле и труппе Шэнфубань в одночасье захлестнули весь Бадахутун. Дай Пэйчуань пересказывал Бай Линъюню все версии, которые ему удалось услышать, а тот, лужгая арахис, смеялся до боли в щеках.

Дай Пэйчуань не понимал, что в этом такого смешного, но с тех пор, как они приехали на четырёхколёсном автомобиле, даже те актёры, что раньше тайком или явно задирали его, теперь смотрели с завистью и восхищением. Он наконец-то воспрял духом и начал ходить с гордо поднятой головой.

А вот смех Бай Линъюня был вызван исключительно Фордом модели Т, которым так гордился господин Сюй. Как человек современный, он не питал особой любви к таким ранним импортным машинам, а после одной поездки всякое любопытство и вовсе улетучилось — комфорт и технические характеристики оставляли желать лучшего.

Причина, по которой он не мог сдержать смех, заключалась в том, что когда эта гордость господина Сюя въехала в Бадахутун, выяснилось, что улицы слишком узкие, а навыки вождения у самого господина Сюя просто катастрофические. После невероятных усилий они с горем пополам добрались до Ханьцзятаня и... намертво застряли у входа в переулок.

В машине сидели Мэй Цзюмей и недалёкий Ду Минъюэ. Последний, видимо, впервые в жизни ехал на автомобиле, и, увидев, что машина застряла, решил выйти, чем и спровоцировал трагедию. Он со всей силы толкнул дверцу импортного Форда, за который господин Сюй выложил двенадцать тысяч серебряных долларов, и та... просто отвалилась.

Вспомнив тогдашнее разноцветное лицо господина Сюя, Бай Линъюнь снова расхохотался. Дай Пэйчуань почесал затылок: он не понимал, чему радуется старший брат, но, видя его таким весёлым, тоже начал глупо улыбаться.

После этого случая Бай Линъюнь стал знаменитостью не только в Бадахутуне, но и в самой труппе Шэнфубань. По крайней мере, те воришки, о которых упоминал Дай Пэйчуань, больше не беспокоили его, а купленные ими крупы, масло, мясо и птица лежали в западном флигеле в полной сохранности. Дай Пэйчуань от этого лишь грустил: деньги были потрачены именно на то, чтобы отпугнуть воров, но раз те не приходят, не напрасно ли ушли двадцать долларов? Он так сокрушался, что едва не плакал.

Бай Линъюнь почесал подбородок — ему тоже было жалко денег, ведь сейчас он был беден как церковная мышь, а без гроша в кармане и шагу ступить нельзя. Впрочем, подумав, он успокоился: всё в мире взаимосвязано. Если бы не те потраченные двадцать долларов, не было бы и поездки на машине господина Сюя, да и продукты вряд ли остались бы целы.

Двадцать долларов, которые утром лежали в кармане, к вечеру улетучились. Бай Линъюнь призадумался: похоже, помимо частных выступлений в особняке командующего, нужно всерьёз подумать о полноценных афишных спектаклях.

В это же время о том, чтобы вывесить афишу с именем Бай Линъюня, размышлял и глава труппы Шэнфубань Чэнь Фушэн. Хотя он и относился к Бай Линъюню с опаской, в труппе были десятки ртов, которые нужно было кормить. А раз единственный актёр, способный привлечь публику, был именно этот человек, нельзя же было вечно смотреть на него и голодать. К тому же Чэнь Фушэн чувствовал, что после того памятного случая с петлёй Бай Линъюнь словно прозрел и стал совсем другим человеком.

Решившись, Чэнь Фушэн поправил халат и широкими шагами направился к западному флигелю. Никто не знал, о чём они говорили, даже Дай Пэйчуань всё это время дежурил в пяти метрах от двери.

В тот же вечер труппа Шэнфубань вывесила афиши в театре Дунцзяо. В отличие от того, что было полмесяца назад, на этот раз труппа, похоже, выложила всё до последнего гроша: пять огромных полотен с интервалами тянулись от балкона третьего этажа до самого входа в театр. Мало того, перед входом в театр были установлены стенды с фотографиями Бай Линъюня в различных сценических образах.

<http://bllate.org/book/19185/1883623>